



Информация для цитирования:

Букалова С. В. Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны : финансовые аспекты / С. В. Букалова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 371—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389.

Bukalova, S. V. (2024). Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 371-389. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389. (In Russ.).



Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны: финансовые аспекты

Букалова Светлана Владимировна

orcid.org/0000-0001-7788-9299

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, политологии
и государственной политики,

Среднерусский институт управления —
филиал РАНХиГС
STL1612@yandex.ru

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС)
(Орел, Россия)

Social Support Organization in Russian Empire During World War I: Financial Aspects

Svetlana V. Bukalova

orcid.org/0000-0001-7788-9299

PhD in History, Associate Professor,
Department of History,
Political Science
and State Politics,
Central Russian Institute
of Management —
branch of RANEPa
STL1612@yandex.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration
(RANEPa)
(Orel, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается вопрос о соотношении государственного и общественного участия в финансировании социальной поддержки пострадавших на материале Первой мировой войны (1914—1918). Объектом исследования стали составляющие доходной части бюджетов Верховного Совета по призыву семей лиц, призванных на войну, и Московского комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Источниками выступили количественные данные о благотворительных пожертвованиях и казенных субсидиях. Впервые назван общий размер собранных благотворительных пожертвований, сделан вывод об их стабильной динамике. Показано, что объем благотворительных пожертвований был несопоставим с потребностью в помощи. Подчеркивается, что, несмотря на меры по стимулированию притока пожертвований (проведение лотерей, представление жертвователей к наградам), благотворительное участие не могло стать надёжной финансовой основой системы социальной помощи. Автор приходит к заключению о возрастании значения государственного финансирования. Институционализация социальной помощи требовала формализации и регламентации мер поддержки, учёта получателей помощи, создания единообразных организационных структур и др. Таким образом, дореволюционный период Первой мировой войны является важным этапом генезиса государственной социальной политики.

Ключевые слова:

Российская империя; Первая мировая война; благотворительность; история социальной политики; социальная помощь; благотворительная лотерея.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the interplay between state and public involvement in financing social support for the affected population during World War I (1914-1918). The research focuses on the income components of the budgets of the Supreme Council for the Care of Families of Enlisted Persons and the Moscow Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna for providing charitable assistance to families of enlisted individuals. Quantitative data on charitable donations and government subsidies serve as sources. The total amount of collected charitable donations is disclosed for the first time, with a conclusion drawn regarding their stable dynamics. It is demonstrated that the volume of charitable donations was incomparable to the need for assistance. Despite measures to stimulate donation inflow (such as lotteries and rewards for donors), charitable contributions could not establish a reliable financial foundation for the social support system. The author concludes on the increasing significance of state funding. The institutionalization of social assistance required formalization and regulation of support measures, recipient tracking, and the establishment of uniform organizational structures, among others. Thus, the pre-revolutionary period of World War I marks an important stage in the genesis of state social policy.

Key words:

Russian Empire; World War I; charity; history of social policy; social assistance; charitable lottery.



УДК 94(47).083/.084+94(100)“1914/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-371-389

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Организация социальной поддержки населения Российской империи в годы Первой мировой войны: финансовые аспекты

© Букалова С. В., 2024

1. Введение = Introduction

Первая мировая война вовлекла в свою орбиту десятки миллионов человек и оказала существенное влияние на внутреннюю ситуацию в воюющих державах. Одним из аспектов стало ухудшение социального положения многочисленных категорий населения, таких как солдатские семьи, лишившиеся кормильца, призванного на фронт; дети убитых солдат, ставшие сиротами; сами воины, выбывшие из строя вследствие тяжёлого ранения или болезни и потерявшие вместе с трудоспособностью своё место в обществе. Затяжной характер и непредвиденные масштабы Первой мировой войны потребовали от стран-участниц экстренно вырабатывать механизмы адаптации к её негативным социальным последствиям. Этот процесс можно представить в категориях тотальной мобилизации, сопровождавшейся усилением роли государства во всех областях общественной жизни.

Российское общество этого периода проходило стадию модернизации, что означало ослабление механизмов сословной и общинной солидарности, поэтому взаимопомощь внутри локального сообщества (предусмотренная «Уставом об общественном призрении») не могла служить надёжным средством решения социальных проблем, порождённых войной. Между тем присутствие государства в социальной сфере Российской империи было крайне незначительным. По сути, реализация социальной функции государства в этот период сводилась к правовой регламентации благотворительной деятельности.

Исключение составлял принятый в 1912 году и введённый в действие после вступления России в Первую мировую войну закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», предусматривавший наделение ближайших родственников мобилизованного из запаса солдата минимальным пайком от казны. Признавалось, что его размер далеко не соответствует потребностям, к тому же право на паёк получали не все нуждавшиеся

в нём. Оказание необходимой дополнительной поддержки было отнесено государством к области благотворительной общественной инициативы.

Особенностью Российской империи было существование в социальной сфере крупных централизованных филантропических структур, состоявших под покровительством членов императорской фамилии и получавших некоторое государственное финансирование. Старейшая из них — Ведомство учреждений императрицы Марии — в конечном итоге оказалась под управлением Собственной его императорского величества Канцелярии. Такие структуры принято называть «полугосударственными» или «государственно-общественными» благотворительными объединениями. Л. А. Булгакова полагает, что они позволяли государству направлять и контролировать благотворительную деятельность, аккумулируя частные средства [Булгакова, 2001а, с. 314].

В годы Первой мировой войны в России создавалась система социальной поддержки пострадавших, устройство которой лежало в русле этих традиций: под председательством императрицы Александры Фёдоровны в первые недели войны на основе высочайшего указа Правительствующему Сенату был учреждён Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (далее по тексту — Совет по призрению). Он включал в свой состав представителей министерств, непосредственно соприкасавшихся с нуждами солдатских семей, наиболее крупных благотворительных обществ, Земского Союза и Союза Городов. Совет исполнял законосовещательные, регламентирующие и контрольные функции как в отношении реализации закона «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», так и в отношении дополнительной помощи. Также Совет был призван оказывать финансовую поддержку учреждениям, вовлечённым в призрение солдатских семей. Совет по призрению был наделён правом собирать благотворительные пожертвования и получать казённые ассигнования [Именной..., 1916, с. 91—92].

Исполнительным органом Совета по призрению на обширной российской периферии стали отделения Московского комитета ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Они должны были координировать местные благотворительные инициативы, а также оказывать им финансовую поддержку. Таким образом, система помощи жертвам войны в Российской империи выстраивалась в формате диалога государства и общества. При этом в социальной сфере государство было персонифицировано в лице членов императорской фамилии, которые демонстрировали патерналистское попечение династии о подданных [Букалова, 2023]. Участие императорской фамилии обеспечивало интеграцию государственных и част-

ных усилий в социальной сфере. Однако действительное соотношение государственной поддержки и благотворительного участия в сфере помощи пострадавшим от войны остается невыясненным. В постсоветской историографии наблюдаются расширительная трактовка понятия благотворительности и преувеличение вклада благотворителей в решение социальных проблем. Определение соотношения благотворительных и бюджетных средств позволяет углубить представления о сущности создаваемой в годы Первой мировой войны системы социальной помощи. Эта тема лежит в русле исследований взаимодействия государства и общества и изучения влияния экстремальных военных условий на общественные отношения.

До настоящего времени в историографии российского тыла Первой мировой войны эта проблема не анализировалась с содержательной стороны. Г. Н. Ульянова называет период Первой мировой войны наименее изученным этапом российской благотворительности [Ульянова, 2014, с. 230]. Она выделяет филантропическую функцию, реализуемую как общественными, так и государственными акторами, и отмечает специфику «мобилизационной» филантропии военного времени, диагностируя «симбиоз» власти и общества в оказании помощи. Всё же Г. Н. Ульянова, как наиболее известный специалист в сфере истории отечественной благотворительности, акцентирует благотворительный, то есть негосударственный и добровольный характер новаций в социальной сфере, связанных с войной. Затрагивая вопрос об объёме народных пожертвований для помощи жертвам Первой мировой войны и их соотношении с объёмами казённого финансирования, Г. Н. Ульянова ограничивается полемикой с тезисом С. В. Куликова об огосударствлении Земского и Городского союзов [Там же, с. 232]. Однако сам С. В. Куликов в своей статье освещает проблему финансирования помощи раненым [Куликов, 2008], не затрагивая финансовых аспектов организации общественного призрения.

В подавляющем большинстве исследователи, касающиеся форм социальной поддержки населения, определяют их как *благотворительные*. В обзорном очерке «Благотворительность и социальное обеспечение в России, 1914—1918» из коллективной монографии «Российский тыл в войне и революции, 1914—1922», входящей в международный проект «Russia's Great War and Revolution», автор Дж. Рихтер ограничивается констатацией централизации благотворительной сферы и усиления в ней роли государства, а также предоставления беспрецедентных средств для поддержания усилий по оказанию помощи через организации, находящиеся под патронажем членов династии [Richter, 2016].

Авторы фактографических исследований идеализируют благотворительную активность, видя в ней признаки существования в Российской империи гражданского общества, свидетельства солидарности широких

общественных слоев и власти [Фомичев, 2015; Иванова, 2016; Шилова, 2017 и др.]. А. Н. Грицаева говорит о концепте «военной благотворительности» [Грицаева, 2008, с. 57]; Т. Е. Покотилова отмечает, что в военный период инициатива в благотворительной сфере зачастую исходила от государства, также власть стремилась поставить под свой контроль благотворительную деятельность [Покотилова, 2018, с. 87; Покотилова, 2023, с. 615]. Н. Л. Матвеева освещает возросшую благотворительную активность дома Романовых в годы Первой мировой войны. В частности, она отмечает, что главным источником средств деятельности появившихся во время войны новых благотворительных комитетов, состоявших под высочайшим покровительством, была казна [Матвеева, 2004, с. 40].

Объектом исследования И. П. Павловой стало социальное попечение как форма борьбы с обнищанием населения, объединявшая усилия государства и общества. Констатируя количественные и качественные изменения параметров отечественной системы социального попечения в годы войны, автор диагностирует увеличение роли государства в этой области через механизмы пенсионного обеспечения [Павлова, 2003, с. 147]. И. П. Павлова также отмечает, что в течение войны росла доля финансирования попечительной работы со стороны государства в общем объёме средств, направлявшихся на помощь нуждавшимся, при этом количественные параметры этого роста не оцениваются.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящем исследовании предпринято обобщение и анализ данных о поступлении благотворительных пожертвований в адрес Совета по призрению и Московского комитета её императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны, чаще именуемого *Елизаветинским комитетом*. Источниковой базой исследования стали ежемесячные отчеты о движении денежных сумм, регулярно публиковавшиеся «Известиями» Совета по призрению. В отчетах фиксировался размер поступивших пожертвований. Эти данные дополнены сведениями о казённых ассигнованиях, зафиксированных в журналах заседаний и отчётах Совета по призрению. Данные о финансовой стороне деятельности Елизаветинского комитета содержатся в делопроизводственной документации его архивного фонда и фонда великой княгини Елизаветы Федоровны — денежных отчётах и финансовых планах. Важно, что текущая финансовая отчетность позволяет нам сопоставить объём благотворительных поступлений и бюджетного финансирования, получаемого этими структурами.

Авторитетный исследователь истории российской благотворительности Г. Н. Ульянова в качестве существенного признака благотворительных

учреждений предлагает два критерия — финансовый и институциональный: классическая благотворительность должна осуществляться на частные средства негосударственными субъектами [Ульянова, 2005, с. 135]. Совет по призрению не удовлетворял в полной мере этим критериям: он мог претендовать на правительственные субсидии, выделявшиеся ему из военного фонда, включал в свой состав «членов по должности» — представителей высшей государственной бюрократии, вступал в сношения с губернаторами. Первое издание фундаментального справочника «Высшие и центральные государственные учреждения России» включало его в группу чрезвычайных учреждений военного времени наряду с Особыми совещаниями [Высшие и центральные..., 1998, с. 221—222]. Вместе с тем Совет по призрению не входил непосредственно в систему государственного управления, однако внимательный анализ позволяет выделить в возглавлявшейся им системе социальной поддержки жертв войны в Российской империи черты, сближающие её с системой социальной защиты современного типа, ведущая роль в которой принадлежит государству.

Можно согласиться с американской исследовательницей российско-го опыта благотворительности Адель Линденмайер, что преодоление бинарного противопоставления государственного и общественного служит выявлению преемственности в процессе развития социальной сферы и углублению научных представлений о политической культуре, экономике и социальных взаимодействиях [Линденмайер, 2008, с. 99, 105].

Изучение динамики привлечения благотворительных пожертвований и их соотношения с государственным финансированием способно косвенно свидетельствовать об изменении материального положения населения и поддержки им правительственных инициатив в социальной сфере. Отмеченные аспекты определяют теоретическую значимость освещаемых вопросов. Практическая значимость исследования состоит в определении возможностей и ограничений благотворительной активности в решении общественных проблем, а также уточнении соотношения государственных и общественных элементов в управлении социальной сферой.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Казенное и благотворительное финансирование Совета по призрению

Уже на втором заседании Совета по призрению, прошедшем 11 сентября 1914 года, был поднят вопрос о создании за счёт государственного финансирования фонда для немедленной реализации задач Совета. Финансовая комиссия рекомендовала испросить ассигнования в размере одного миллиона рублей. Это ходатайство было поддержано министром финан-

сов П. Л. Барком, присутствовавшим на заседании [Журнал... № 2, 1914, с. 46—47]. За первое полугодие 1916 года Совет получил от правительства ещё 4 млн рублей [Журнал... № 12, 1916, с. 76]. В ноябре того же года из средств Государственного казначейства было получено 5 миллионов рублей [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 87, л. 9—9об.]. Таким образом, за 1914—1916 годы Советом по призрению было получено бюджетное финансирование в размере 10 млн рублей.

Размер благотворительных сборов Совета по призрению далеко не достигал этой суммы. Всего с начала его деятельности по декабрь 1916 года Совету удалось привлечь 1,83 млн рублей. Средний размер поступлений составлял 10—20 тыс. рублей в месяц. Значительные отклонения от этой величины были обусловлены крупными единоразовыми пожертвованиями. Так, в ноябре 1914 года было собрано 111 877 руб., из них 100 тыс. руб. было передано правлением Земского банка Херсонской губернии в городе Одессе [Ведомость о суммах..., 1915, с. 82—89]. В июне 1916 года из 219 373 рублей поступило 200 тыс. руб. облигациями государственного военного краткосрочного займа от Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры [Ведомость о суммах..., 1916, с. 152—154]. Наименьшую сумму пожертвований Совет по призрению получил в апреле 1916 года — менее 5 тысяч рублей. Надо отметить, что в целом средний размер благотворительных сборов на протяжении дореволюционного периода войны держался на одном уровне. Таким образом, внешне поток пожертвований не иссякал, однако следует иметь в виду инфляцию, достигшую к началу 1917 года значительных размеров.

Обращает внимание, что подавляющее большинство пожертвований, получаемых Советом по призрению, перечислялись коллективными жертвователями — различными трудовыми коллективами: чинами таможни, офицерами полков, железнодорожными служащими и т. п. Реже поступали благотворительные пожертвования крестьянских обществ, и исключительно редко — частных лиц. Таким образом, сбор благотворительных средств для Совета по призрению не был стихийным, а требовал организационной работы.

Для благотворительных обществ и учреждений дореволюционного периода была характерна высокая степень информационной прозрачности. Они были обязаны регулярно публиковать отчёты о своей деятельности, в том числе и финансовые. В свою очередь благотворительные институты активно использовали этот канал для популяризации своей деятельности и привлечения новых жертвователей. Не стал исключением и Совет по призрению. После создания он широко распространил обращение от имени её величества государыни императрицы Александры Фёдоровны с пред-

ложением «вносить посильную лепту на обеспечение семей доблестных защитников Царя и Родины» [Призыв..., 1916, с. 131—132]. Впоследствии сведения о задачах Совета и порядке приёма пожертвований бесплатно размещались во всех массовых газетах. Однако результатом этого стал не только приток пожертвований, но и рост числа обращений за помощью. Список жертвователей публиковался в каждом номере «Известий Верховного Совета по призрению». По традиции, по всепреданнейшем докладе о пожертвованиях августейшая председательница Верховного Совета «*всемилостивейшие повелеть соизволяла благодарить жертвователей от имени её императорского величества*» [Ведомость о суммах..., 1915, с. 89].

3.2. Благотворительные сборы и казенное финансирование Елизаветинского комитета

Так как традиция благотворительности была глубоко укоренена в повседневной жизни Российской империи, имелось множество каналов для сбора пожертвований от частных лиц, в том числе и на помощь жертвам мировой войны. Система социальной поддержки, возглавляемая Советом по призрению, строилась как многоуровневая и полисубъектная. Роль исполнительного органа Совета на периферии исполнял Комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, во главе которого стояла сестра императрицы — великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Елизаветинский комитет включал в свою структуру 85 губернских отделений, объединявших, в свою очередь, уездные комиссии. Все эти органы, а также волостные и участковые комиссии Елизаветинского комитета, тоже принимали благотворительные пожертвования. Более того, центральный комитет всемерно поощрял их к этому. Неоднократно местным отделениям циркулярно предписывалось озаботиться обеспечением средствами и поставить реализуемые мероприятия в строгое соответствие с ними [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 33, л. 18, л. 55—55об.].

В итоге с начала деятельности губернских отделений по 1 января 1915 года ими было собрано более 2,6 млн рублей. Однако привлечение пожертвований было неравномерным. Более половины сборов приходилось на 7 наиболее богатых и активных отделений: центральное Московское, Одесское городское, Екатеринославское, Закаспийское, Казанское, Иркутское и Забайкальское [ГАРФ, ф. 640, оп. 1, д. 30, л. 3—3об.]. К маю 1916 года структурам Елизаветинского комитета удалось привлечь на свою деятельность субсидий, пожертвований и благотворительных сборов без малого на 10 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 204, л. 289].

Кроме того, в сеть Елизаветинского комитета было объединено до 6 тысяч благотворительных обществ, их местных отделений и органов самоуправления [Журнал... № 12, 1916, с. 18—21]. Они также привлекали

пожертвования. Таким образом, определить точную величину общего благотворительного участия в помощи жертвам войны вряд ли представляется возможным.

Мы можем лишь отметить, что размер пожертвований, получаемых центральным Елизаветинским комитетом в Москве, существенно уступал сборам Совета по призрению. С начала деятельности по январь 1917 года центральному Елизаветинскому комитету удалось привлечь 516 тыс. рублей. При этом его ежемесячные поступления были достаточно стабильными, изменяясь в пределах от 5 до 15 тысяч рублей. Исключением стал период начала войны, когда за 1914 год было собрано 325 тысяч рублей (из них 100 тыс. руб. были переданы Троице-Сергиевской лаврой).

В основе финансирования системы социальной поддержки жертв войны лежал принцип субсидиарности, то есть Совет по призрению передавал определённые средства Елизаветинскому комитету, тот — своим губернским отделениям, они в свою очередь — уездным комиссиям или же непосредственно заведениям, предоставлявшим социальную помощь. Кроме этого, Совет по призрению, его Особая Комиссия и Московский Елизаветинский комитет могли напрямую оказывать финансовую поддержку благотворительным обществам и учреждениям.

3.3. Всероссийская благотворительная лотерея и награды за военную благотворительность

Финансовую основу функционирования системы социальной поддержки жертв войны на протяжении 1915 года составил такой своеобразный источник средств, как доход от проведения всероссийской благотворительной лотереи. Как показала И. П. Павлова, в Российской империи организация благотворительных лотерей сопровождалась целым рядом регламентационных ограничений, благодаря которым доход от стандартной лотереи не мог превысить 750 рублей [Павлова, 2001]. Всероссийская благотворительная лотерея, организованная Верховным Советом по призрению, стала исключением из принятых правил: разыгрывались денежные выигрыши, лотерейные билеты продавались в местных казначействах, государственных сберегательных кассах и отделениях коммерческих банков, почтово-телеграфных отделениях, фабричных и заводских кассах, а также земскими начальниками и податными инспекторами на селе, что ранее было запрещено [Отчет по высочайше..., 1917, с. 12—14].

Примером для лотереи Совета по призрению стала всероссийская лотерея 1891 года в пользу голодающих. Продажа лотерейных билетов стартовала 18 декабря 1914 года. К марту 1915 года продажу билетов вели 17 тысяч учреждений. Только банковские проценты, начисляемые коммерческими банками на средства, поступавшие от продажи лотерейных би-

летов, превысили полмиллиона рублей. Всем должностным лицам было вменено в обязанность оповещать широкие круги о целях лотереи.

Для популяризации лотереи было изготовлено 23 варианта рекламных плакатов, оттиски которых размещались в публичных местах — в том числе в трамваях. Эскиз одного из таких плакатов был выполнен художником Экспедиции изготовления государственных бумаг Р. Г. Зарриным (Зариньшем) — автором дизайна почти всех российских банкнот начала XX века. Более 1300 периодических изданий разместили объявления о лотерее. Также билеты продавались и в Финляндии — для этого были отпечатаны плакаты на финском языке.

Широкая продажа билетов продолжалась до 15 мая 1915 года; все-го удалось реализовать 95 % тиража. Общий сбор от лотереи составил 19 миллионов рублей, чистый доход — 16,8 миллиона рублей [Отчет по высочайше..., 1917, с. 21]. Эта сумма была распределена следующим образом: 2 млн рублей предназначались Татьянинскому комитету, 1 млн — Красному Кресту; складам императрицы Александры Фёдоровны и императрицы Марии Фёдоровны причиталось также по 1 млн рублей. Остальные средства поступали в распоряжение Совета по призрению. К концу 1916 года средства благотворительной лотереи были распределены и освоены, и в целом этот ресурс был исчерпан.

Также связанные с государственным аппаратом структуры Елизаветинского комитета и Совета по призрению могли прибегать к нематериальному стимулированию своих жертвователей. Лица, сделавшие значительные пожертвования, могли рассчитывать на представление к государственным наградам. Ходатайства о награждении должны были представляться от Елизаветинского комитета в Совет по призрению, который по рассмотрении направлял их в установленном порядке. Ходатайства должны были содержать следующие сведения: состоят ли на государственной службе представляемые к награде лица; какие награды уже имеют; какие заслуги они оказали в деле призрения семей воинов; к какой именно награде предполагается их представить [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 41, л. 1]. Очевидно, эта мера была адресована наиболее обеспеченным кругам общества и не могла повлиять на массовый приток пожертвований.

3.4. Пределы благотворительности

Можно заметить, что потребности в социальной поддержке миллионов жертв мировой войны далеко превосходили те суммы, которые общество было готово предоставить в виде добровольных благотворительных пожертвований. Так, уже в августе 1914 года общая стоимость казённых пайков семьям мобилизованных (обеспечивавших минимальный уровень физиологического выживания) достигала 30 млн рублей ежемесячно [Бул-

гакова, 20016, с. 457]. Создание специализированной системы учреждений призрения инвалидов войны оценивалось в 30 млн рублей [РГИА, ф. 1253, оп. 1, д. 63, л. 268—271]. Для сравнения: бюджет Елизаветинского комитета во второй половине 1916 года составил 7,6 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 194, л. 96].

Возможность создать эффективную систему социальной поддержки нуждавшихся исключительно на благотворительные средства ставилась под сомнение уже в первые месяцы войны. Отмечалось, что крестьянское население, исключительно отзывчивое к чужой беде, не любит повторных и регулярных сборов пожертвований [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 194, л. 68—71]. Со временем в адрес центральных органов всё чаще стали поступать жалобы на то, что благотворительные сборы приносят всё меньше средств. Архивные документы свидетельствуют о перераспределении потока пожертвований от «традиционных» к новым группам адресатов помощи. Например, Алексеевскому комитету, занятому поддержкой солдатских детей, с 1 августа 1914 года по 1 марта 1915 года удалось собрать по всей стране лишь 3,5 тыс. рублей пожертвований [Журнал... № 8, 1915, с. 99, 103, 106]. Нестабильность благотворительных источников средств создавала значительные трудности для уже действующих социальных учреждений. Так, Романовский комитет сообщал об «отливе» пожертвований от сиротских приютов в пользу помощи раненым; многим приютам грозило закрытие. Романовский комитет был вынужден поддержать ассигнованиями 56 приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и 26 Ольгинских приютов. Например, детский Ольгинский приют трудолюбия в Космодемьянске Казанской губернии был поставлен на грань закрытия, и только пособие Романовского комитета спасло детей от возвращения на улицу [Ди-Сеньи, 1915, с. 64].

Это можно объяснить как усталостью населения от затяжной неудачной войны и охлаждением патриотических настроений, так и снижением уровня жизни, а также увеличением числа нуждавшихся в благотворительной помощи. Приток частных пожертвований в адрес центрального Елизаветинского комитета на второй год его деятельности (июль 1915 года — июль 1916 года) прогнозировался всего в 200 тыс. рублей. Для поддержания местных отделений и продолжения начатых проектов Елизаветинский комитет надеялся получить от Совета по призрению на порядок большую сумму — 2,5 млн рублей [ЦАГМ, ф. 113, оп. 1, д. 198, л. 121].

4. Заключение = Conclusions

Изучение финансовых основ организации и деятельности системы социальной помощи жертвам Первой мировой войны в Российской империи позволяет характеризовать её как переходную от традиционной формы

частной благотворительности и общественного призрения к модели государственных социальных гарантий. Для организации формально благотворительной поддержки пострадавших от войны сразу же после её начала по инициативе «сверху» были созданы крупные централизованные структуры, состоявшие под августейшим руководством и покровительством (Совет по призрению, Елизаветинский, Ольгинский, Татьянинский комитеты). Их задача виделась в упорядочении, поддержке, а при необходимости — инициировании благотворительной помощи. Яркой чертой этих институций стало вхождение в их состав «членов по должности» — государственных чиновников и чинов сословного дворянского самоуправления. Одновременно как на центральном уровне, так и на периферии комитеты включали в свой состав «местных деятелей» — представителей объединений гражданского общества и местных активистов. Тем самым осуществлялась интеграция властных и общественных усилий на поле помощи наиболее приоритетным группам нуждающихся — жертвам войны.

Не имея специализированного аппарата реализации социальных программ, государство рассматривало общественные структуры как своего партнера, «укорененного» в социальной среде. Взаимодействие государства и общественных организаций в социальной сфере, преследовавшее филантропические цели помощи пострадавшим, выходило за рамки предусмотренной «Уставом об общественном призрении» общинной самопомощи. Низовые общественные организации принимали на себя задачу аккумуляции благотворительного участия и непосредственного предоставления мер помощи. Стоит заметить, что значительную роль в этом сегменте, наряду с собственно благотворительными объединениями, играли органы местного самоуправления. В то же время централизованные государственно-общественные структуры общероссийского масштаба исполняли задачи регламентации мер помощи, распределения казённых и перераспределения благотворительных средств. Тем самым в годы войны в социальной сфере создавалась система многосторонней коммуникации между разноразмерными государственными и негосударственными структурами. Однако необходимо подчеркнуть, что вплоть до революционных событий сами жертвы войны не были активной стороной этого диалога.

Финансовая сторона организации социальной помощи в годы Первой мировой войны складывалась из частных благотворительных пожертвований, которым изначально отводилась основная роль, и дополнительных субсидий из казны, обеспечивавших устойчивость системы социальной помощи. Задачи времени требовали усиления государственного участия в финансировании мер поддержки жертв войны. Очень приблизительно общий объем благотворительных сборов на нужды пострадавших от во-

йны, привлеченных Советом по призрению (включая сборы от всероссийской лотереи), центральным Елизаветинским комитетом и его местными отделениями, церковно-приходскими и волостными попечительствами, можно оценить в десятки миллионов рублей — не более 50 млн руб. Масштабы мировой войны наглядно показывали, что традиционная практика благотворительных инициатив не способна дать пострадавшим достаточных гарантий.

В свою очередь институционализация социальной помощи, её трансформация в институт социальной политики требовала формализации и регламентации мер поддержки, законодательного закрепления критериев нуждаемости, учёта получателей помощи, создания единообразных организационных структур. В годы Первой мировой войны Российская империя начала движение в этом направлении, очередным этапом которого стало создание Временным правительством Министерства государственного призрения, которое стало преемником лишившихся августейших покровительниц Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и Комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 640 (Александра Федоровна (урожденная принцесса Гессенская Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатрица), жена императора Николая II). Оп. 1. Д. 30.
2. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1253 (Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов). Оп. 1. Д. 41, 63, 87.
3. ЦАГМ — *Центральный государственный архив города Москвы*. Ф. 113 (Комитет ее императорского величества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну). Оп. 1. Д. 33, 194, 198, 204.
4. *Ведомость о суммах*, поступивших за ноябрь 1914 года в распоряжение Верховного Совета // *Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. — 1915. — № 3. — С. 82—89.
5. *Ведомость о суммах*, поступивших в распоряжение Верховного Совета с 1 июня по 1 августа 1916 года // *Известия Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов*. — 1916. — № 13. — С. 152—154.
6. Ди-Сеньи Н. К. Отчет командированного председателем Романовского комитета помощника начальника Отделения Канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи о результатах осмотра некоторых получающих пособия из средств Комитета сиротских приютов в губерниях — Астраханской, Казанской, Нижегородской, Самарской,

Саратовской и Симбирской и в городах — Москве и Гельсингфорсе / Н. К. Ди-Сеньи. — Петроград : Государственная типография, 1915. — 108 с.

7. *Журнал заседаний № 2.* Заседание 11 сентября 1914 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1914. — № 1. — С. 42—55.

8. *Журнал заседаний № 8.* Заседание 05 мая 1915 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1915. — № 6. — С. 65—167.

9. *Журнал заседаний № 12.* Заседание 09 июня 1916 года // Известия Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. — 1916. — № 13. — С. 11—100.

10. *Именной высочайший указ об образовании Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов* // Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. — Петроград : Государственная типография, 1916. — С. 91—92.

11. *Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений.* — Петроград : Государственная типография, 1916. — 204 с.

12. *Отчет по высочайше разрешенной благотворительной лотерее 1914 года.* — Петроград : Государственная типография, 1917. — 61 с.

13. *Призыв к пожертвованиям на дело признания семей лиц...* // Отчет о деятельности Верховного Совета по признанию семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, и подведомых ему учреждений. — Петроград : Государственная типография, 1916. — С. 131—132.

Литература

1. Букалова С. В. Становление социальной защиты в Российской империи : между патернализмом и субсидиарностью / С. В. Букалова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. — 2023. — № 1 (65). — С. 148—157. — DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148—157.

2. Булгакова Л. А. Проблемы интеграции в сфере социальной помощи в дореволюционной России / Л. А. Булгакова // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. — Санкт-Петербург : Лики России, 2001a. — С. 313—323. — ISBN 5-87417-137-1.

3. Булгакова Л. А. Привилегированные бедняки : помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века : материалы конференции памяти В. С. Дякина / [редкол. : Р. Ш. Ганелин и др.]. — Санкт-Петербург ; Кишинев : Nestor-Historia, 20016. — С. 431—496.

4. *Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. : в 4 т. /* Федер. арх. служба России. Рос. гос. ист. арх. Гос арх. РФ ; [Отв. сост. Д. И. Раскин]. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — Т. 1. — С. 221—222. — ISBN 5-02-028394-0.

5. Грицаева А. Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) : опыт помощи пострадавшим от военных действий : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Грицаева. — Москва, 2008. — 289 с.

6. *Иванова Н. М.* Благотворительная деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны / Н. М. Иванова // Клио. — 2016. — № 12 (120). — С. 65—73.

7. *Куликов С. В.* Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 — февраль 1917 г.) / С. В. Куликов // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования // Российская акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории ; [отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова]. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 369—396.

8. *Линденмайер А.* Открывая Атлантиду : тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности / А. Линденмайер // Благотворительность в истории России : Новые документы и исследования. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 95—107. — ISBN 978-5-9818-7238-9.

9. *Матвеева Н. Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны / Н. Л. Матвеева. — Москва : Издательство МГОУ, 2004. — 189 с. — ISBN 5-7045-0591-0.

10. *Павлова И. П.* Благотворительные лотереи в дореволюционной России / И. П. Павлова // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования / Ин-т “Открытое о-во” (Санкт-Петерб. отд-ние), Центр развития некоммер. орг. ; [Сост. А. Клецина и др.]. — Санкт-Петербург : Лики России, 2001. — С. 429—435.

11. *Павлова И. П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны / И. П. Павлова. — Красноярск : Издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2003. — 150 с. — ISBN 5-94617-016-3.

12. *Покотилова Т. Е.* Российская филантропия и первая мировая война (на материалах Терской области) / Т. Е. Покотилова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № 4. — С. 86—92. — DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-86-92.

13. *Покотилова Т. Е.* Благотворительная помощь пострадавшим в ходе Первой мировой войны : примеры общественно-государственного сотрудничества / Т. Е. Покотилова // Гуманитарные и юридические исследования. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 614—620. — DOI: 10.37493/2409-1030.2023.4.8.

14. *Покотилова Т. Е.* Благотворительность в социальной истории дореволюционной России : Мировоззрение и исторический опыт : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Т. Е. Покотилова. — Ставрополь, 1998. — 443 с.

15. *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи : XIX — нач. XX в. : монография / Г. Н. Ульянова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — Москва : Наука, 2005. — 402 с. — ISBN 5-02-033509-6.

16. *Ульянова Г. Н.* Благотворительная помощь общества жертвам войны в 1914—1918 гг. : дискуссионные вопросы и содержание проблемы / Г. Н. Ульянова // Россия в годы Первой мировой войны. Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 сентября — 3 ноября 2014 г.) / Ин-т российской истории Российской акад. наук, Гос. Ист. музей, Федеральное архивное агентство, Российское ист. о-во ; [отв. ред. : А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров]. — Москва : ИРИ РАН, 2014. — С. 230—237.

17. *Фомичев И. В.* Благотворительная помощь детям-беженцам и детям-сиротам в годы Первой мировой войны / И. В. Фомичев // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2015. — № 25. — С. 196—199.

18. Шилова Р. Р. Благотворительная деятельность женщин Уфимской губернии в годы Первой мировой войны / Р. Р. Шилова // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 3. — С. 45—49.

19. *Richter Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914–18* // *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22* / edited by Adele Lindenmeyr, Christopher Read, and Peter Waldron. — Indiana : Slavica Publishers, 2016. — Pp. 11—30.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

A call for donations to the cause of caring for the families of individuals... (1916). In: *A report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it*. Petrograd: State Printing House. 131—132. (In Russ.).

Di-Seni, N. K. (1915). *Report of the Assistant Head of the Office of the Council of Ministers N. K. Di-Seni, sent by the Chairman of the Romanov Committee, on the results of the inspection of some orphanages receiving benefits from the funds of the Committee in the provinces of Astrakhan, Kazan, Nizhny Novgorod, Samara, Saratov and Simbirsk and in the cities of Moscow and Helsingfors*. Petrograd: State Printing House. 108 p. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

Journal of meetings № 2. Meeting on June 09, 1916. (1916). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 13: 11—100. (In Russ.).

Journal of meetings № 2. Meeting on September 11, 1914. (1914). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 1: 42—55. (In Russ.).

Journal of meetings № 8. Meeting on May 05, 1915. (1915). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 6: 65—167. (In Russ.).

Report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it. (1916). Petrograd: State Printing House. 204 p. (In Russ.).

Report on the highly authorized charity lottery of 1914. (1917). Petrograd: State Printing House. 61 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).

Statement of the amounts placed at the disposal of the Supreme Council from June 1 to August 1, 1916. (1916). *News of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 13: 152—154. (In Russ.).

Statement of the amounts received in November 1914 at the disposal of the Supreme Council. (1915). *News of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers*, 3: 82—89. (In Russ.).

The nominal Supreme decree on the formation of the Supreme Council for the Care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers.

(1916). In: *A report on the activities of the Supreme Council for the care of families of persons called up for war, as well as families of wounded and fallen soldiers, and institutions subordinate to it*. Petrograd: State Printing House. 91—92. (In Russ.).

TSAGM — *Central State Archive of the city of Moscow*. (In Russ.).

References

- Bukalova, S. V. (2023). The formation of social protection in the Russian Empire: between paternalism and subsidiarity. *Bulletin of Tver State University. Series: History*, 1 (65): 148—157. DOI: 10.26456/vthistory/2023.1.148—157. (In Russ.).
- Bulgakova, L. A. (2001b). Privileged poor: assistance to soldier's families during the First World War. In: *On the way to revolutionary upheavals. From the history of Russia in the second half of the XIX — early XX century: materials of the conference in memory of V. S. Dyakin*. St. Petersburg; Chisinau: Nestor-Historia. 431—496. (In Russ.).
- Bulgakova, L. A. (2001a). Problems of integration in the field of social assistance in pre-revolutionary Russia. In: *Charity in Russia: Social and historical research*. St. Petersburg: Liki Rossii". 313—323. ISBN 5-87417-137-1. (In Russ.).
- Fomichev, I. V. (2015). Charitable assistance to refugee children and orphans during the First World War. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*, 25: 196—199. (In Russ.).
- Gritsaeva, A. N. (2008). *Charity in Russia during the First World War (1914 — February 1917): experience in helping victims of military operations*. PhD Diss. Moscow. 289 p. (In Russ.).
- Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917: in 4 volumes, 1*. (1998). St. Petersburg: Nauka. 221—222. ISBN 5-02-028394-0. (In Russ.).
- Ivanova, N. M. (2016). Charitable activity of the Russian Orthodox Church during the First World War. *Klio*, 12 (120): 65—73. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2008). Financial aspects of the activities of Russian wartime charitable organizations (July 1914 — February 1917). In: *Charity in the history of Russia: New documents and research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 369—396. (In Russ.).
- Lindenmayer, A. (2008). Discovering Atlantis: trends and prospects of studying the history of Russian charity. In: *Charity in the history of Russia: New documents and research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 95—107. ISBN 978-5-9818-7238-9. (In Russ.).
- Matveeva, N. L. (2004). *Charity and the Imperial family during the First World War*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 189 p. ISBN 5-7045-0591-0. (In Russ.).
- Pavlova, I. P. (2001). Charity lotteries in pre-revolutionary Russia. In: *Charity in Russia: Social and Historical Research*. St. Petersburg: Faces of Russia. 429—435. (In Russ.).
- Pavlova, I. P. (2003). *Social care in Russia during the First World War*. Krasnoyarsk: Publishing Center of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 150 p. ISBN 5-94617-016-3. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (2023). Charitable assistance to victims of the First World War: examples of public-state cooperation. *Humanitarian and legal studies*, 10 (4): 614—620. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.4.8. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (1998). *Charity in the social history of pre-revolutionary Russia: Worldview and historical experience*. Doct. Diss. Stavropol. 443 p. (In Russ.).
- Pokotilova, T. E. (2018). Russian philanthropy and the First World War (based on the materials of the Tersk region). *Humanitarian and legal studies*, 4: 86—92. DOI: 10.37494/2409-1030-2018-4-86-92. (In Russ.).



- Richter Jude Philanthropy and Welfare in Russia, 1914—18. (2016). In: *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—22*. Indiana: Slavica Publishers. 11—30.
- Shilova, R. R. (2017). Charitable activity of women of the Ufa province during the First World War. *Bulletin of Vyatka State University*, 3: 45—49. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2014). Charitable assistance of the society to the victims of the war in 1914—1918: controversial issues and the content of the problem. In: *Russia during the First World War. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, September 30 — November 3, 2014)*. Moscow: IRI RAS. 230—237. (In Russ.).
- Ulyanova, G. N. (2005). *Charity in the Russian Empire: XIX — beginning. XX century: monograph*. Moscow: Nauka. 402 p. ISBN 5-02-033509-6. (In Russ.).

*The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*